

Кристабель сжала рукоять кинжала и с силой вонзила его.

В этот миг вся копившаяся у неё за последние дни жажда убийства — ненависть, рождённая тем, что Весполаро рухнула без сознания под трупом демона, и нынешняя ярость из-за похищения малышки Нефрит, — словно хлынула из груди по лезвию этого кинжала.

Если бы эту жажду убийства и ненависть можно было обратить в оружие, в тело Радоцвета вошёл бы не единственный удар. Но, увы, у Кристабель имелся лишь один кинжал.

Убедившись, что клинок попал в цель и тёплая кровь потекла наружу, Кристабель мгновенно обессилела.

Она бежала слишком долго, да ещё и выплеснула все эмоции разом — сил удерживать короткую рукоять больше не оставалось. Пальцы разжались, в глазах потемнело, и она, пошатываясь, сделала шаг назад.

И в этот момент она услышала, как тот, кто указал ей, где находится Радоцвет — Око Зазеркалья, — тихо вздохнул.

Кристабель моргнула; пот, скатившийся в глаза, размывал зрение.

«Так где... Радоцвет Сикадир, которого я только что ударила?»

Померанка расширила глаза.

В тусклом переулке Радоцвет исчез, словно проколотый мыльный пузырь, будто бы то, во что Кристабель вонзила кинжал, было всего лишь её галлюцинацией.

— Кристабель! — крикнула Весполаро, всё ещё сцепившаяся с озверевшим.

Хаски хотела её предупредить, но в пылу боя просто не успела сформулировать мысль.

Озверевший, сражавшийся с Весполаро, обратился в огромного кота и ловко метался по узкому переулку. Пистолет — удобное и быстрое оружие — в такой обстановке, напротив, оказывался в невыгодном положении.

Весполаро пыталась переломить ситуацию, но всякий раз, как она тянулась к короткому мечу на поясе, озверевший переставал уклоняться и, даже ценой ранения, мешал ей.

Так они обменялись ещё двумя заходами и застряли в тупике.

Будь это поединок один на один, затяжка играла бы на руку Весполаро: город значился оплотом Инквизиции, и рано или поздно подоспели бы её коллеги.

Но это был бой два на два. Её напарница приходилась ей не только объектом защиты в этом задании, но и подругой.

На самом деле Весполаро так и не поняла, кем являлся изменивший внешность Радоцвет Сикадир. Если бы не враждебная реакция озверевшего телохранителя на Кристабель, которая мчалась прямо к Радоцвету, она, сосредоточенная лишь на померанке, могла бы вообще не заметить, что они уже столкнулись с противником.

Увидев, как Кристабель растерянно застыла из-за исчезновения незнакомого быколюда, Весполаро пару раз открыла и закрыла рот, а затем вновь потянулась левой рукой к короткому мечу.

Озверевший, заметив движение, тут же бросился вперёд. Но он не ожидал, что эта инквизиторша, то и дело отвлекавшаяся на напарницу и, казалось, не способная сосредоточиться на бое, резко развернётся.

Её густые короткие брови сошлись на переносице, а огромные голубые глаза под ними уставились прямо на него.

Одновременно она разжала правую руку — пистолет упал на землю.

Инквизиторша убрала правую руку к груди, словно собираясь либо прикрыться, либо помочь левой выхватить ещё не извлечённый меч.

«Ха, решила рискнуть ранением, лишь бы вытащить клинок?»

Но святосветный рыцарь — не рыцарь крови и не озверевший с врождённой регенерацией. Каждое ранение для святосветного рыцаря означает падение боевой эффективности!

«Вот так! Даже в городе победителем всё равно останусь я!» — мысленно взревел озверевший кот, тёмная сила уже стекалась к его клыкам и когтям.

Весполаро, удерживая правую руку у груди, продолжала сверлить его взглядом — и в тот миг, когда озверевший взмахнул лапой, она шагнула вперёд.

Правая рука сжалась в кулак и пошла навстречу когтям.

— Пронзание зла!..

Весполаро с силой нанесла очищающий удар. Ярко-жёлтая магия служителя хлынула по её кулаку; под воздействием очищения когти озверевшего оказались хрупче бумаги.

Когти разлетелись, с кончиков пальцев хлынула кровь. Пусть раны и начали затягиваться уже в следующую секунду, озверевший всё равно вскрикнул от боли.

Но этот удар Весполаро ещё не завершился. Сломанные когти были всего лишь ничтожным препятствием на пути кулака к цели.

Бах!

Сжатый кулак врезался озверевшему коту прямо в переносицу. Кости с хрустом рассыпались, зубы разлетелись, а вместе с ними исчезло и его нелепое выражение недоверия — то самое, с которым он смотрел на Весполаро, не веря, что она выбрала кулаки вместо пистолета.

В этот момент левая рука Весполаро наконец без помех вытащила короткий меч.

Она не стала развивать успех, лишь высоко подняла клинок и громко призвала:

— Дракон Света!

Жёлтый кристалл в рукояти вспыхнул ослепительным сиянием, напитанный криком и силой служителя. В одно мгновение тёмный переулок словно озарился светом прожектора на пятьсот ватт — все тени рассеялись без остатка.

Включая и Радоцвета Сикадира, который в момент атаки активировал спасительный ритуал и ушёл в тень, став невидимым.

Теперь он внезапно проявился в свете — жалкий и взъерошенный, с задранной рубашкой и шприцем в руке.

Игла шприца была вонзена ему в живот; в цилиндре ещё оставалась половина ярко-алой жидкости.

Кинжал Кристабель бывший оленелюд уже выдернул, и тот валялся у его ног. Кровь на лезвии доказывала, что его ранение не являлось иллюзией, однако по румянцу на лице Радоцвета становилось ясно — кровопотери он больше не испытывал.

Очевидно, алая жидкость в шприце была материализованным исцеляющим заклинанием.

Кровеплотяные целители и рыцари крови умели изготавливать такие вещи; официально они

назывались кроволечебными инъекциями — одноразовые средства для заживления ран.

Но такие предметы должны были находиться исключительно во внутреннем обороте Инквизиции и церковью Шести Столпов, выдаваясь как снаряжение; они никак не могли оказаться в руках культистов.

Если подобный предмет оказывался в руках у культистов, это означало, что эта кроволечебная инъекция — трофей. То есть, по меньшей мере один инквизитор уже погиб.

Радоцвет не знал, что в тот момент, когда он достал кроволечебную инъекцию, это мгновенно разожгло ненависть Весполаро — хотя она всё ещё не узнала, кто этот быколюд на самом деле. Кроволечебная инъекция являлась самым быстрым по эффекту способом исцеления, но для служителей, связанных с тёмными богами, она всегда давала побочные реакции. К счастью, Радоцвет был ритуалистом, а не служителем, поэтому, потратив немало усилий, он сумел раздобыть две такие инъекции — на крайний случай, чтобы спасти себе жизнь.

Но бывший оленелюд и представить не мог, что его спасительные ритуалы и снаряжение понадобятся из-за...

«Кристабель Померан!? Что за чушь! Я готовил всё это для того дня, когда придётся удирать из-под пуль инквизиторов! Да как эта женщина вообще добилась подобного?!»

Радоцвет кипел от ярости и одновременно терялся в догадках. Он совершенно не понимал, как Кристабель сумела так точно его найти — это было куда более необъяснимо, чем её ненависть к нему.

«Надо разобраться», — успел подумать он — и в тот же миг оказался залит внезапно вспыхнувшим светом.

Он встретился взглядом с Кристабель, которая его искала.

В следующую секунду оба одновременно пришли в движение.

Кристабель бросилась к лежащему на земле кинжалу, а Радоцвет протянул руку, обнажив чётки из обсидиана на запястье.

— О Тёмное Солнце! — громко воззвал он. — Озари это место своим сиянием!

Но никакого сияния не появилось. Лишь тьма — беззвучная, всепоглощающая тьма, нарушающая законы физики, обрушилась на них и пожрала свет, освещавший переулок.

Сияние, исходившее от рукояти короткого меча Весполаро, в одно мгновение сократилось до

узкого круга вокруг неё самой, а раненый и впавший в исступление озверевший кот ринулся вперёд с куда большей силой и скоростью, чем прежде.

Весполаро не успела даже подумать о Кристабель, поглощённой тьмой, — её саму вынудили отступить шаг за шагом, и она едва справлялась с напором противника.

Наблюдая за этой схваткой «два на два», Линь в очередной раз тихо вздохнул.

— Вы уже сделал всё, что должны были, ваше высочество, — сказал Моисей Гуппи. — Человеческие дела — людям. Ты что, собираешься лично выходить и драться вместо своих верующих?

— Ну... теоретически можно, — пробормотал Линь, но, поразмыслив, всё же не двинулся с места.

Он и правда сделал уже очень много.

В тот момент, когда члены культа Искажения готовились напасть на горожан, а Кристабель почти добежала до набережной, Линь прыгнул туда раньше неё — и прихватил с собой Моисея.

Моисей, по-прежнему владевший всеми заклинаниями певца снов, устроил неподалёку оглушительный взрывной звук.

Инквизиция потом, конечно, сможет обнаружить следы звуковой магии, но пока это не связано со снами и разумом, след не приведёт к Оку Зазеркалья.

Но Око Зазеркалья сделал нечто куда более важное: сразу после грохота он усилил растерянность в сердцах членов культа Искажения, заставив их из-за пустяковой неожиданности впасть в замешательство.

Затем он усилил страх обычных горожан, шёпотом подталкивая их поскорее расходиться по домам.

Так, благодаря выигранному времени, Крастопь Уотербак — та самая, кто в итоге решила остановить трамвай и вместе с коллегами избить некроманта, — сумела выбить из него важные сведения.

А именно: культ Искажения собирался устроить атаку на набережной.

Подразделение связи немедленно передало приказ священникам Матери Первозданной Крови на набережной, и те начали действовать, полностью разрушив планы Радоцвета и культа Искажения.

Таким образом, даже при последующем разборе событий никто не смог бы найти следы вмешательства Ока Зазеркалья.

Даже странное поведение Кристабель, с учётом уже сложившейся репутации человека с поразительной интуицией, легко можно было логично объяснить.

Проблема заключалась в другом: как только Линь увидел, что Кристабель ослабла и выпустила кинжал, он понял — дело плохо.

Если бы Радоцвет, уйдя в тень с помощью ритуала, сразу напал на неё, а не потратил драгоценные секунды боя на кровелечебную инъекцию, Линь уже готовился бы хоронить своего единственного по-настоящему верующего.

Тогда он хотел предупредить Кристабель, Моисей, который как раз возвращался к Линю после применения звукового заклинания неподалёку, остановил его.

— Если Кристабель сумеет получить силу служителя, это почти наверняка будет боевое направление, — прямо сказал русал, долгое время управлявший паствой Мелодии Раковины, или, точнее, обладавший памятью настоящего Моисея об этом. — Пусть она усвоит этот урок. В будущих боях она больше не выпустит оружие из рук.

Он был прав. Линь пока не мог следить за своими верующими каждую секунду — от Кристабель требовалось научиться справляться самой.

Но тревога не отпускала его. И не только потому, что в переулке схватка «два на два» складывалась не в их пользу. На набережной за пределами переулка члены культа Искажения, хоть и потеряли половину людей в самом начале и лишились возможности взять заложников из числа горожан, всё же имели численное превосходство. К тому же с ними был Аромгеро Масима, высокоранговый служитель. Всего за несколько раундов они начали теснить священников Матери Первозданной Крови: быстро выросшие корневые дриады вынудили трёх рыцарей крови воплотиться в тела и отказаться от формы кровавой реки.

Если бы Линь незаметно не «подправлял весы», у священников Матери Первозданной Крови уже появились бы потери.

И именно в этот момент Кристабель вновь поглотила тьма.

Линь внезапно осознал одну вещь.

Тем, с кем он имел схожую область сил, была Дева Серебряной Луны.

Но в чистой силе его противником являлся Тёмное Солнце.

Без света зеркало не отражало ничего.

Сейчас юный бог едва мог чувствовать, что происходит в темноте. Неужели остаётся лишь молиться, чтобы двое, оказавшиеся внутри, поскорее уснули и увидели сон — тогда он смог бы воздействовать на них, не завися от света? И кому молиться-то? Самому себе?

Моисей вместе с ним смотрел в темноту, а затем оба перевели взгляд на набережную, где в зоне боя навзрыд плакала малышка Нефрит.

— Не волнуйся, — сказал Моисей. — Оба ещё живы.

«Да ты сам выглядишь куда более встревоженным, чем я, учитель Моисей», — подумал Линь и в третий раз вздохнул.

— Пора бы уже... — пробормотал он.

— Что? — напряжённый Моисей не расслышал.

— Я о подкреплении Инквизиции Альманвиля...

Шу-ух!

Река Райи внезапно вздыбилась высокой волной, переклестнула через набережную и обрушилась на поле боя внизу.

Но укрепления из корневых дриад и множества древолюдов не только сдерживали кровавые реки рыцарей крови — они остановили и обычную воду.

Бушующий поток ударился о преграду, бессильно ослаб, а затем... поджёг корни и деревья.

Да, вода подожгла лес — словно это была вовсе не вода, а масло.

Пламя вспыхнуло яростно и мгновенно охватило всё вокруг. Даже привыкший за три года к этому фантастическому миру Линь не удержался и бросил второй взгляд.

«Преобразование стихий... Элементалист. Причём высокоранговый».

Из бушующего огня вышла огненная фигура. Она обменялась взглядом с находившимся выше Аромгеро и взмахом руки метнула огненный шар.

Члены культа Искажения в панике отступили, опасаясь удара, но траектория огненного шара была совсем иной — он врезался в один из переулков неподалёку.

Весполаро, чьи раны всё множились, пребывала в полном ступоре: она увидела, как озверевший большой кот, с которым она сражалась, оказался поглощён огненным шаром и в одно мгновение превратился в кусок угля.

Хаски распахнула рот, потом, не раздумывая, сжала короткий меч, перепрыгнула через обугленный труп и бросилась в затянутый тьмой переулок.

Едва она вошла в темноту, вокруг неё засиял мягкий свет — это была сила, дарованная Драконом Света святосветным рыцарям: тьма никогда не могла их связать.

Весполаро влетела во мрак, словно прямая световая стрела.

И она увидела.

В глубине тьмы её подруга Кристабель лежала на земле, содрогаясь от боли.

А тот быколюд, используя кинжал, который сама Весполаро когда-то подарила Кристабель, пригвоздил её левую руку к мостовой... и, вдобавок, вырвал купленный ею в тот день по прихоти кулон, раскручивая стеклянную бусину на шнурке и снова и снова с силой ударяя ею о стену.

<http://bllate.org/book/12612/1214500>